

Библиотека Классической Литературы

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Василий Теркин
Стихотворения
Поэмы

Москва 2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т26

Серия «Библиотека всемирной литературы»
Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы:

Плакат «Красной Армии – Слава» (1946)
художника *Л. Ф. Голованова*

Фрагмент работы художника *Антоня Генберга*
«Норрландский зимний пейзаж с березами» (1933)

Фотопортрет Александра Твардовского:
Дмитрий Козлов / РИА Новости

Твардовский, Александр Трифонович.
Т26 Василий Теркин. Стихотворения. Поэмы / Александр
Твардовский. – Москва : Эксмо, 2022. – 640 с.

«Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого слова!» – писал И. А. Бунин о поэме «Василий Теркин» Александра Твардовского – выдающегося русского поэта с драматической судьбой. Поэма «Василий Теркин» стала одной из вершин творчества поэта, в которой во всей полноте ожила народная душа. В книгу также включены поэмы «Страна Муравия» («высокую культуру стиха» уже в этой поэме отмечали Б. Пастернак и Н. Асеев), «Дом у дороги», «За далью – даль», «Теркин на том свете», «По праву памяти» (опубликована только в 1987-м), в которой описана трагическая судьба отца Твардовского – раскулаченного и сосланного крестьянина-кузнеца; пейзажная лирика, военные стихотворения и стихотворения последних лет, автобиография писателя.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-091765-5

© Твардовский А.Т., наследники, 2022
© Турков А. М., предисловие, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Содержание

Андрей Турков
СТРОКА ГВАРДОВСКОГО

13

СТИХОТВОРЕНИЯ

РОДНАЯ КАРТИНА

31

ЯБЛОКИ

32

«СНЕГ СТАЕТ, ОТОЙДЕТ ЗЕМЛЯ...»

34

РАЗЛИВ ДНЕПРА

35

ЛЕС ОСЕНЬЮ

36

«РОЖЬ ОТВОЛНОВАЛАСЬ...»

37

УСАДЬБА

38

5

«ТРЕВОЖНО-ГРУСТНОЕ РЖАНИЕ КОНЯ...»

39

УТРО

40

СМОЛЕНЩИНА

41

ЛЕДОХОД

43

«ШУМИТ, ПРОБИРАЯСЬ КУСТАМИ...»

44

«СТОЛБЫ, СЕЛЕНЬЯ, ПЕРЕКРЕСТКИ...»

45

«ДОЖДЬ НАДВИГАЕТСЯ ВНЕЗАПНЫЙ...»

46

«НЕ СТАРЕЕТ ТВОЯ КРАСОТА...»

47

ДОРОГА

49

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

51

ИВУШКА

52

СЕЛЬСКОЕ УТРО

55

6

«ЗВЕЗДЫ, ЗВЕЗДЫ, КАК МНЕ БЫТЬ...»

56

ДРУЗЬЯМ

57

«РОЖЬ, РОЖЬ... ДОРОГА ПОЛЕВАЯ...»

60

БРАТЬЯ

61

ПЕСНЯ

63

КАК ДАНИЛА ПОМИРАЛ

65

МАТЕРИ

68

«НЕ ДЫМ ДОМАШНИЙ НАД ПОСЕЛКОМ...»

69

НОЯБРЬ

70

ДВЕ СТРОЧКИ

71

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

72

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

78

7

О ПРОПИСКЕ

82

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

84

«МНЕ ПАМЯТНО, КАК УМИРАЛ МОЙ ДЕД...»

85

«НИ НОЧИ НЕТУ МНЕ, НИ ДНЯ...»

87

«СНЕГА ПОТЕМНЕЮТ СИННИЕ...»

89

«ЧАС РАССВЕТНЫЙ ПОДЪЕМА...»

90

«НЕ МНОГО НАДОБНО ТРУДА...»

92

«ВСЯ СУТЬ В ОДНОМ-ЕДИНСТВЕННОМ ЗАВЕТЕ...»

94

КОСМОНАВТУ

95

«ВСЕ СРОКИ КРАТКИ В ЭТОМ МИРЕ...»

97

«А ТЫ САМИХ ПОСЛУШАЙ ХЛЕБОРОБОВ...»

98

ПАМЯТИ МАТЕРИ

«ПРОЩАЕМСЯ МЫ С МАТЕРЯМИ...»

100

8

«В КРАЮ, КУДА ИХ ВЫВЕЗЛИ ГУРТОМ...»

100

«КАК НЕ СПЕША САДОВНИКИ ОРУДУЮТ...»

101

«—ТЫ ОТКУДА ЭТУ ПЕСНЮ...»

102

«В САМЫЙ УГОЛ ШАЛАША...»

105

«ДЕНЬ ПРОШЕЛ, И В НЕПОЛНОМ ПОКОЕ...»

106

«ИЮЛЬ – МАКУШКА ЛЕТА...»

107

«ПРОСЫПАЮСЬ ПО-ЛЕТНЕМУ...»

108

«ЕСТЬ ИМЕНА И ЕСТЬ ТАКИЕ ДАТЫ...»

109

«ЛИСТВА ОТПЫЛАЛА...»

110

«Я ЗНАЮ, НИКАКОЙ МОЕЙ ВИНЫ...»

111

«СТОЙ, ГОВОРЮ: ВСЕМУ ПОМЕХА...»

112

БЕРЕЗА

113

9

«ТАКОЮ ОТМЕЧЕН Я ДОЛЕЙ БЕДОВОЙ...»

115

«Я САМ ДОЗНАЮСЬ, ДОИЩУСЬ...»

116

«НА ДНЕ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

117

«ДОПУСТИМ, ТЫ СВОЕ УЖЕ ОТТОПАЛ...»

118

«ВРЕМЯ, СКОРОЕ НА РАСПРАВУ...»

119

«К ОБИДАМ ГОРЬКИМ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНЫ...»

120

«В СЛУЧАЕ ГЛАВНОЙ УТОПИИ...»

121

«ВСЕМУ СВОЙ РЯД, И ЛАД, И СРОК...»

122

«НЕТ НИЧЕГО, ЧТО РАЗ И НАВСЕГДА...»

123

«ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ЖИТЬ С УМОМ?...»

124

«ТЫ ДУРА, СМЕРТЬ: ГРОЗИШЬСЯ ЛЮДЯМ...»

125

О СУЩЕМ

126

10

ПОЭМЫ

СТРАНА МУРАВИЯ

129

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

211

Дом у дороги

373

За далью – даль

425

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

541

По праву памяти

599

РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

АВТОБИОГРАФИЯ

619

О РОДИНЕ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ

632

СТРОКА ТВАРДОВСКОГО

Последнее воспоминание о нем: сидит, страшно исхудавший, возле большого дачного окна...

Незадолго до этого, в феврале 1970 года, многолетнее грубое давление всевозможных «руководящих инстанций» — ЦК КПСС, Главлита (а попросту сказать — цензуры), секретариата Союза писателей — вынудило Александра Твардовского покинуть журнал «Новый мир», главным редактором которого он был больше десяти лет и который за это время приобрел огромную популярность в нашей стране и даже за ее пределами.

В прошлом веке, испытав потерю такого же своего любимого детища — журнала «Отечественные записки», закрытого правительством, Салтыков-Щедрин горестно писал, что отныне «лишился употребления языка». Но то, что для великого сатирика было метафорой, гиперболой, для Твардовского стало реальностью. Лишившись журнала, не сумев опубликовать свою последнюю поэму «По праву памяти», он смертельно заболел и почти потерял речь.

Его окружали родные, навещали друзья, и все же на долгие часы он оставался наедине со смотрящей в окно поздней осенью, безлиственными деревьями, пожухлой травой, покуда в стекло не застучались, не заскреблись первые метели. (И не звучали ли в памяти последней декабрьской ночью строки из трагической главы «Василия Теркина»: «Смерть склонилась к изголовью: — Ну, солдат, пойдем со мной»?)

Вся жизнь, наверное, проходила в те дни перед глазами Твардовского, и он мог сказать о себе словами своего любимого героя:

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль...

«Василий Теркин»

...Ах, каким простым все казалось подростку, росшему на Смоленщине, как он напишет позже: «в захолустье, потрясенном всемирным чудом новых дней». Немало обязанный отцу, сельскому кузнецу, первыми задатками любви к книге, к чтению, он, став комсомольцем, теперь судил об «отсталых» взглядах Трифона Гордеевича со всей страстью и категоричностью юности.

Среди стихов «поэта-селькора», как именовали своего юного сотрудника смоленские газеты, были и такие, как «Отцу-богатею», а в одной из его первых поэм «отрицательным» персонажем был... кузнец Гордеич!

Много лет пройдет, прежде чем отцовская судьба предстанет перед Твардовским во всей сложности. Долгие годы он вынашивал замысел романа об отце, который, к сожалению, так и не удалось осуществить. Он и название придумал — «Пан». Так прозвали Трифона Гордеевича земляки за то, что тот всячески, весьма наивно и недальновидно подчеркивал свою особость, независимость, отличный от обычного деревенского склад жизни.

Но уже в поэме «За далью — даль» будут запечатлены и реальная картина «скудного выручкою» трудового дня мифического «богатея», и беглые портреты его бедных «клиентов». А в очерке «Заметки с Ангары», рассказывая о встречавшемся выходце со Смоленщины, Твардовский писал, что, глядя на него, «невольнo вспомнил затылок покойного отца, такой знакомый до последней морщинки и черточки...». При всем лаконизме этого упоминания за ним ощутимо сильное душевное движение, всколыхнувшаяся память о человеке, с которым в юности шла такая непримиримая война.

На первых жизненных верстах отцовский образ сделался воплощением того обихода и уклада, от которых начинающий поэт стремился оттолкнуться, как отталкиваются от берега, отправляясь в плавание. Этот конфликт завершился уходом юноши из дома и началом самостоятельного существования как газетчика и литератора.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Так вспоминал Твардовский в своей последней поэме давнее умунастроение — свое и друзей-ровесников. И, умудренный всем пережитым, прибавлял:

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложней?

«Сложность» дала себя знать немедля. В пору начавшейся коллективизации в числе миллионов других несправедливо пострадала и «панская» семья, высланная на Север. Почти тридцать лет спустя, в 1957 году, набрасывая план пьесы о раскулачивании, Твардовский припомнил слова, сказанные ему в ту давнюю пору секретарем Смоленского обкома партии: «Бывают такие времена, когда нужно выбирать между папой-мамой и революцией». В тех же набросках запечатлена и дилемма, вставшая перед «младшим братом», в котором угадывается сам автор: «Он должен порвать с семьей, отказаться от нее, проклясть ее — тогда, может быть, он еще останется «на этом берегу», а нет — хочешь не хочешь — будешь «врагом», кулаком, которому никогда и ничем не отомолить себе прощенья у советской власти».

Происшедшее оставило в душе поэта тяжелейшую, незаживающую рану и в то же время положило начало долгому, мучительному, противоречивому отрезвлению от прежних наивных иллюзий. И уже совсем по-иному вспоминалась жизнь на отцовском хуторе в стихотворении «Братья», завершавшемся пронзительными строками:

Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?..

Заметно отличалась по тону от тогдашней литературы с ее упрощенным и приукрашенным изображением коллективизации и поэма Твардовского «Страна Муравия». В описании скитаний Никиты Моргунка, который «бросил... семью и дом», не желая вступить в колхоз (как поступил и отец поэта), в его тревожных раздумьях и многочисленных дорожных встречах слышны явственные отголоски трагических событий тех лет. Выразительна, например, услышанная Моргуном сказка про деда и бабу, которые «жили век в своей избе», покуда «небывало высокая» вешняя вода не «подняла... избушку» и, «как кораблик, понесла» совсем на новое место: «Тут и стой». Сам автор впоследствии ценил драматизм этой поэмы, достигавший особой силы в черновых вариантах:

Дома гниют, дворы гниют,
По трубам галки гнезда вьют,
Зарос хозяйский след.
Кто сам сбежал, кого свезли,
Как говорят, на край земли,
Где и земли-то нет.

Тем не менее герой поэмы в конце концов отказывался от поисков легендарной страны «единоличного» крестьянского счастья, где «никакой, ни боже мой, — коммунии, колхозии», и смирялся с необходимостью вступить в артель. Многие стихотворения, вошедшие в сборники «Дорога», «Сельская хроника» и «Загорье», красноречиво свидетельствуют о том, как старательно искал Твардовский светлые стороны тогдашней деревенской жизни, исходя из сознания, что так нужно. Нужно «иметь мужество видеть положительное», — с горечью напишет он впоследствии.

По дороге, зеркально блестящей,
Мимо отчего еду крыльца...

Эти строки, задуманные как одическое восславление новой жизни, обернулись, однако, едкой и горькой оценкой происходившего тогда с самим поэтом. Еще недавно объяв-

лявшийся в смоленской печати «кулацким подголоском» и даже «классовым врагом», он после «Страны Муравии», которую критики сочли прославлением коллективизации, оказался в фаворе у власти: был принят в партию, награжден орденом Ленина в числе известных писателей и даже получил Сталинскую премию.

Счастье, что «зеркально блестящая дорога» не ослепила Твардовского. Он понимал, что в расхваленных критиками произведениях «едет мимо» многого, что есть в реальной жизни. В конце тридцатых годов в письме к родичу, тоже взявшемуся за перо, Александр Трифонович не столько поучал адресата, сколько размышлял о своем: «...нужно выработать в себе прямо-таки отвращение к «легкости», «занятности», ко всему тому, что упрощает и «закругляет» сложнейшие явления жизни... будь смелей, исходи не из соображения о том, что будто бы требуется, а из своего самовнутреннего убеждения, что это, о чем пишешь, так, а не иначе, что это ты твердо знаешь, что ты так хочешь». А ставшему близким другом С. Я. Маршаку признавался: «...давно хочу писать иначе, но все еще не могу...»

Впрочем, «иначе» писать он все же пробовал — и в «Братьях», и в элегической предвоенной «Поездке в Загорье», и в полном затаенной боли стихотворении «Матери» (Мария Митрофановна вместе с семьей еще находилась в ссылке):

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

Истинное же рождение Твардовского как великого русского поэта произошло в трагическую пору народной истории — в затяжную и кровавую зимнюю кампанию в Финляндии и Великую Отечественную войну. Он был фронтовым корреспондентом, испытал горечь страшных поражений и потерь, попадал в окружение, сталкивался с множеством людей — когда надолго, когда на краткий, но навсегда запомнившийся миг. Позже он сказал об этом в своей «Книге про бойца», ставшей поэмой «Василий Теркин»:

Вспомним с нами отступавших,
 Воевавших год иль час,
 Павших, без вести пропавших,
 С кем видались мы хоть раз,
 Провожавших, вновь встречавших,
 Нам попить воды подавших,
 Помолвившихся за нас.

Замечательна и парадоксальна судьба этой книги! Написанная в пору, когда для автора, как и для множества современников, Сталин был величайшим авторитетом, она понаравилась вождю. Свидетельство тому — и новая Сталинская премия, присужденная поэту, и то, что, по воспоминаниям Хрущева, «Сталин с умилением смотрел на картину с Василием Теркиным» (написанную художником Решетниковым). Он видел в герое книги бравого, исполнительного солдата, безотказный «винтик» (по известному выражению вождя) армейского и даже государственного механизма.

Но вот что знаменательно. Первые же главы «Василия Теркина» появились в печати в трагические месяцы 1942 года почти одновременно со знаменитым сталинским приказом № 227 и фактически дерзко противоречили ему. Сталин клеймил солдат отступавшей армии, якобы «покрывших свои знамена позором», обвинял их в «позорном поведении» и даже в «преступлениях перед Родиной». Твардовский же болел душой и за своего главного героя — рядового «в просоленной гимнастерке», и за всех других «наших стриженных ребят», принявших в войну величайшие муки:

Шел наш брат, худой, голодный,
 Потерявший связь и часть,
 Шел поротно и повзводно,
 И компанией свободной,
 И один, как перст, подчас.
 Шел он, серый, бородатый,
 И, цепляясь за порог,
 Заходил в любую хату,
 Словно чем-то виноватый
 Перед ней. А что он мог?

Еще только задумывая книгу, Твардовский размышлял: «Начало может быть полулубочным. А там этот парень пойдет все сложнее и сложнее». Так оно и оказалось. Ка-

кой там «винтик»! Какой там недалекий весельчак и балагур, каким его порой аттестовали в критике! В Теркине зажила, заиграла всеми красками сама народная душа — ее ширь и размах, лиризм и ум, лукавство и чуткость к чужому горю.

У Салтыкова-Щедрина, кстати, одного из любимейших писателей Твардовского, есть превосходные слова о том, как важно художнику, изображающему типы из «народной среды», разглядеть «нравственное изящество, которое они в себе заключают». Это нравственное изящество многообразно проявляется в Теркине. Оно и в органичности для него чувства патриотизма, в готовности к подвигу без фразы и позы («Не затем на смерть идешь, чтобы кто-нибудь увидел. Хорошо б. А нет — ну что ж...»). Оно и в той чуткости, которую проявляет он в истории с «осиротевшей» гармонью, и в готовности уступить свою славу однофамильцу, и в том, как рассказывает Теркин «про солдата-сироту», и в его разговоре-поединке со Смертью:

— Я не худший и не лучший,
 Что погибну на войне.
 Но в конце ее, послушай,
 Дашь ты на день отпуск мне?
 Дашь ты мне в тот день последний,
 В праздник славы мировой,
 Услышать салют победный,
 Что раздастся над Москвой?
 Дашь ты мне в тот день немножко
 Погулять среди живых?
 Дашь ты мне в одно окошко
 Постучать в края родных
 И, как выйдут на крылечко, —
 Смерть, а Смерть, еще мне там
 Дашь сказать одно словечко?
 Полсловечка?..

«Какая свобода, какая чудесная удаль, — писал, прочитав эту книгу, И. А. Бунин, — какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!»

Если уже в «Стране Муравии» такие взыскательные ценители, как Борис Пастернак и Николай Асеев, отмечали

высокую культуру стиха, то в «Василии Теркине» мастерство поэта достигло расцвета. Твардовский испытал, по собственному выражению, «чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения».

Разнообразный по строфике, интонационно-гибкий стих поэмы замечательно соответствует ее содержанию, сохраняя живую естественность речи персонажей, их многоголосье, все богатство чувств и переживаний героя и самого автора:

Полдень раннего июня
 Был в лесу, и каждый лист,
 Полный, радостный и юный,
 Был горяч, но свеж и чист.
 Лист к листу, листом прикрытый,
 В сборе лиственном густом
 Пересчитанный, промытый
 Первым за лето дождем.
 И в глуши родной, ветвистой,
 И в тиши дневной, лесной
 Молодой, густой, смолистый,
 Золотой держался зной.
 И в спокойной чаще хвойной
 У земли мешался он
 С муравьиным духом винным
 И пьянил, склоняя в сон.

Каждая строка здесь перекликается с другими. В первой строфе одинаково звучат и начало строк (*полдень – полный*), и в известной мере середина (*раннего – радостный*). Во второй – тоже есть своя инструментовка. В заключение же возникает целый поток созвучий: *глуши – тиши, родной – дневной – лесной, молодой – густой – золотой, спокойной – хвойной, муравьиным – винным*.

В «Теркине» берут начало мотивы, предвещавшие следующую поэму Твардовского – о краткой побывке дома отступающего бойца, о солдате-сироте, нашедшем на месте родного села пепелище, о возвращающейся из полона «труженице-матери».

В начале поэмы «Дом у дороги» говорится, что эта тема, эта песня «жила, кипела, ныла» в душе автора всю войну – о судьбе крестьянской семьи, о великих людских му-